

К ПРОБЛЕМЕ ЭВОЛЮЦИОННЫХ ПРЕДПОСЫЛОК НРАВСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Биологический вид *Homo sapiens* представляет собой низшую основу вышнего – собственно социального содержания человека и содержит в сокращенной и концентрированной форме основные достижения биологической эволюции в целом, в области психики – в частности, включая биологические предпосылки нравственного сознания. Речь идет о предпосылках генетических (эволюционных, фило- и онтогенетических) и актуальных (функционирования).

Богатый материал для сравнительных характеристик поведения животных и человека дает этология – наука о поведении животных в естественной для них среде. Этологическая структура популяции определяется спецификой биологического вида и особенностями окружающей среды и реализуется в конкретных вариантах двух типов – территориально-семейном и групповом («биосоциальном»). Эволюционно перспективным оказался групповой.

Этологическую структуру популяции в значительной степени следует рассматривать как интегральную адаптацию вида. Плотность популяции, ее распределение по территории, величина групп в основном зависят от различий в распределении и качестве ресурсов среды, прежде всего пищи. Адаптация касается не отдельных дискретных признаков, а интегральных свойств надиндивидуальных систем. Однако не наблюдается абсолютной адаптационной целесообразности в организации структуры популяции и общества и в поведении отдельных особей. Это означает, что для особи открыта возможность вариации поведения и выбора варианта индивидуальных поступков [Фабри, 2001.

С. 98]. Данное обстоятельство увеличивает непредсказуемость «социальной» позиции особи и приводит к неоднозначности исходов многих биосоциальных взаимодействий. К наиболее важным, интегративным, взаимодействиям относятся следующие: персонализированные конъюнктивные, сексуально эпизодические, первично-семейные (о потомстве заботится лишь один родитель), сибсовы, брачно-семейные, соседские регламентированные, ролевые ритуализированные, ролевые установочные, неформальные [Эрман, Парсонс, 1984. С. 39–41].

Любая группировка животных – внутренне противоречивая система, базирующаяся на стихийной компромиссной интеграции кооперативных и конкурентных отношений между членами группы. Это противоречие эволюционно развивается при ведущей роли взаимопомощи и проявляет себя в борьбе противоположных тенденций, присутствующих особи: стремления к саморегуляции, с одной стороны, и к контактированию с особями своего вида – с другой.

Стремление к созданию группировок имеет, по-видимому, генетическую основу [Дьюсбери, 1981. С. 25; Крушинский, 1983. С. 404]. Особь оказывается средоточием противоречивых инстинктов: индивидуального и видового сохранения. Первый связан с агрессивностью и личной самозащитой, второй – выражен в половом и родительском инстинкте, в защите стада, в отношении к молодняку, во взаимопомощи и т. д. В сообществе индивидуальная агрессивность особи находится в противоречивом единстве со стадным поведением [Крушинский, 1986. С. 229–232].

Поведение особей каждого «общественного» вида включает в себя элементы как агрессии, так и взаимопомощи, однако один из этих атрибутов поведения становится преобладающим. Механизмы, обеспечивающие организацию группы, обладают достаточной силой, чтобы преодолеть индивидуальные потребности, вызванные голодом, жаждой, половым влечением, инстинктом самосохранения. Общественный инстинкт сильнее агрессивности. В высокоразвитых сообществах нередко помощь больным, раненым и слабым сочленам. К психологическим механизмам феномена взаимопомощи следует отнести зачатки «сопереживания». Однако поведение, специально направленное на доставление удовольствия и благ другим особям, у животных практически отсутствует [Симонов, 1975. С. 20–21]. Фактором объединения выступает также индивидуальное тяготение обезьян друг к другу [Тих, 1970. С. 177]. Для многих видов животных пребывание в группе становится психологической необходимостью.

На двух путях эволюции отношений особей как преимущественная взаимопомощь, так и преобладающая агрессивность выступают в конечном счете средствами адаптации популяции к внешней среде. Магистральное направление эволюции – линия сотрудничества, дополненная агрессивностью. Разновидности группового отбора по признаку взаимопомощи располагаются между крайностями отбора родичей и отбора между демами (локальными популяциями). Групповой отбор мало действен у слабосоциализированных животных, и наоборот, оказывается эффективным при высокой степени биосоциальности сообществ. В эволюции общественности усиливается момент саморегуляции внутригрупповых отношений, происходит укрепление внутривидовых связей, повышение зависимости индивида от сообщества, что приводит к усилению влияния стада на жизнь каждого члена, ко все большему ограничению его «зоологического индивидуализма».

Биологические предпосылки нравственного сознания можно обнаружить, исследуя психологическое обеспечение поведения животных, особенно типовых форм («шаблонов», «норм») поведения особей в сообществах. Наиболее распространенными особенностями поведения в большинс-

тве сообществ позвоночных являются доминирование и иерархия. У видов, стоящих на более высокой ступени эволюции, иерархия в сообществе обладает большей пластичностью и динамичностью. Подчинение также оказывается приемлемой стратегией, гарантирующей преуспевание. Однако групповая структура не поддается исчерпывающему описанию в терминах «доминирование–подчинение» [Панов, 1983. С. 278–281]. Внутри сообщества образуются, например, устойчивые группировки – оборонительные союзы, дружественные коалиции, наступательные альянсы.

Доминирование существует всегда относительно определенного животного, поэтому необходимой предпосылкой иерархии является индивидуальное узнавание. Например, особи макак-резусов, живущие в неволе, «...знают не только социальный статус относительно других членов группы, но и статус других членов группы по отношению друг к другу, и могут использовать эти знания к собственной выгоде» [Maison, 1982. Р. 138]. В настоящее время следует признать наличие тонких социальных взаимодействий у различных приматов [Kummer, 1982]. В развитии общественности большую роль играет характер материнского поведения. «Нормальная материнская любовь, выражающаяся в полноценном уходе за детенышем, во всей ее глубине и сложности необходима для последующего развития многих форм общения с сородичами» [Гинберген, 1978. С. 148].

Помимо доминирования и иерархии к «шаблонам» поведения общественных животных следует отнести запреты, регламентирующие ход внутривидовых боев, разнообразные ритуалы, законы обладания территорией, способы совместной обороны от хищников, «правила» взаимоотношения особей различного пола, заботливое и дружеское отношение ко всем детенышам в группе, формы наказания нарушителей «норм», взаимопомощь и сотрудничество животных в сообществах. Определенные «правила поведения» существуют и при симбиозе.

Указанные «шаблоны» представляют собой сложные формы поведения животных, обеспечиваемые соответствующей психикой. Последняя, выполняя функцию регуляции поведения особи на основе выработ-

ки оценок средовых и внутриорганизменных явлений, составляет идеальную сторону материальной жизнедеятельности.

Как показывает современная зоопсихология, психика высших позвоночных функционирует под действием не только генетических факторов, но также средовых влияний, накапливаемых в виде приобретаемого опыта и самодетерминации (собственной активности), важнейшей стороной которой выступает элементарная рассудочная деятельность (ЭРД) [Крушинский, 1986; Зорина, Полетаева, 2007]. Соотношение этих компонентов варьирует в различных формах поведения, причем наличие первых двух – генотипа и среды – обязательно, а третий – ЭРД – характерен для наиболее сложных форм. В целом нельзя расчленять поведение на «врожденное» и «приобретенное». Некоторые врожденные реакции служат как бы «вставками» в поведение, уверенное целостное осуществление которого требует научения.

У животных более высокого филогенетического уровня роль научения резко повышается. Базируется научение на врожденных компонентах поведения и включает облигатную и факультативную формы. Диапазон научения строго видотипичен. Существуют генетические факторы, создающие предрасположенность или ограничивающие научение.

Реальными механизмами психики у животных, помимо действия генотипа и врожденно предрасположенных натуральных реакций, выступают импринтинг (запечатление), ярко выраженные критические периоды развития, имитационная способность и оперантное обучение.

Усвоение «норм», действующих в сообществе, не представляет собой исключения из общего правила формирования психики особи, и каждый «шаблон» поведения есть результат сложного влияния наследственных и прижизненно приобретенных элементов, полученный в процессе функционирования разнообразных механизмов формирования психики животного. Элементы более высоких форм психической активности зарождаются в недрах относительно простых психических уровней. Высшим позвоночным присущи такие свойства и компоненты психики, как эмоции, настроения, зачатки простейших чувств, элементарная рассудочная деятельность, отдельные моменты рефлексии,

зоопсихическая индивидуальность. Высшие животные могут обладать находчивостью и инициативой, способны к сопереживанию, проявляют характер, у многих обнаруживаются индивидуальные привязанности, «обидчивость», «ревность» и т. п.

На магистральной линии эволюции психики возрастает гибкость и пластичность психических реакций; наоборот, специализация психики приводит биологические виды к филогенетическим тупикам. Сложно устроенный мозг становится условием гоминизации как индивида, так и сообщества в связи с расширением и интенсификацией регулирующей роли коммуникативных средств, с усложнением форм взаимного сотрудничества, с развитием видов совместной деятельности, направленных на подчинение окружающей среды.

Стандарты поведения животных, включающие биологические предпосылки нравственности, не могут рассматриваться как прямые зачатки нравственности, как готовые эволюционные прототипы нравственных норм. Биологическая подготовка человеческого способа существования, сохраняя общую биологическую природу, набирает силу на магистральной линии эволюции живого. Это выражается в развитии социального образа жизни, иерархической структуры сообщества; в усложнении «норм» поведения и их перестройке в сторону большей абстрактности, т. е. отказа от регламентированных частностей и сохранении «принципов» норм при большей свободе поведения особи; в индивидуализации поведения животных; во взаимопомощи и разделении функций в сообществе; в предметном манипулировании и использовании орудий; в усложнении психических проявлений, формировании биологических предпосылок как логического мышления (ЭРД), так и нравственного и эстетического сознания и т. п.

Особого внимания заслуживает проблема: что человек наследует из «альтруистического» поведения животных? Исследователи расходятся в объяснении альтруистического поведения, наблюдаемого у некоторых биологических видов. С одной стороны, утверждается, что акты взаимопомощи и альтруизма осуществляются автоматически, чисто рефлекторно [Томилин, 1984. С. 104], с другой – что они не случайны и частично осмысленны [Колдуэлл Д., Колдуэлл М., 1980. С. 55].

Согласно Л. В. Крушинскому, на уровне таких высокоразвитых животных, как приматы и дельфины, возникают проблески истинного альтруизма, которые существуют наряду с инстинктивно-автоматизированными альтруистическими формами [Крушинский, 1983. С. 176].

Эволюционные биологические механизмы в преобразованном виде служили исходным пунктом для становления нравственного сознания. На магистральной линии эволюции происходит образование и прогрессивное накопление генотипов со все более широкой нормой реакции поведения. Данная тенденция сопровождается снижением скорости размножения и повышением надежности воспроизведения потомства, что приводит к устранению диктата сиюминутного приспособления к среде (например, с развитием механизма ЭРД). Способность поведения выйти из-под жесткого контроля среды открывает путь скачку от биологических форм поведения к социальным.

Безусловно, «нормы» поведения животных это не нравственность в том смысле, который мы применяем по отношению к человеку. «Альтруизм» животных как один из механизмов видового сохранения принципиально отличается от нравственного стремления к благу других индивидов и ответственности за содержание их жизни – аналогично тому, как инстинкт самосохранения особи отличается от человеческого эгоизма. Назвать указанные формы поведения нравственными нельзя в силу того, что животным не присуща рефлексия, необходимо характеризующая человеческую нравственность. Биологические механизмы, возникшие как способы регуляции взаимоотношений особей в группе, носят в целом экологический характер. На биологическом уровне жизни прямых эволюционных предшественников определенных, целостных, «законченных» нравственных качеств человека не существует. Ошибочно представлять возникновение человеческой нравственности как результат эволюционного нарастания, последовательного количественного усложнения и умножения вышеперечисленных «норм» и особенностей поведения стадных животных. Эволюционизм не может служить теоретической основой решения проблемы возникновения нравственности в связи с происхождением человека из животного мира.

Нравственное сознание, как социальное явление, возникло в результате гигантского качественного скачка в развитии способа регуляции поведения общественного индивида, который (способ регуляции) принимает у человека принципиально иную, «высшую» сущность. Нравственное сознание соотносится прежде всего с процессами, происходящими на уровне второй сигнальной системы условных рефлексов, в целом отсутствующей у животных.

Вместе с тем нравственное сознание, рассматриваемое в аспекте его генезиса, не отделено пропастью от психических приемов регуляции поведения, наблюдаемых в животном мире. Эволюция форм поведения животных затрагивает активность первой сигнальной системы, являющейся неотъемлемым «базовым» компонентом высшей нервной деятельности человека. Вторая сигнальная система также не появляется в ходе эволюции внезапно [Зорина, Смирнова, 2006. С. 41–54]. В ходе развития многообразных разновидностей взаимодействий между особями в сообществах, в особенности основанных на ЭРД, создавались эволюционные психологические механизмы, послужившие исходным пунктом для становления и дальнейшего развития нравственного сознания человека.

Обобщая имеющиеся знания о многообразных типах устойчивого поведения животных, необходимо признать существование среди них таких форм и таких элементов, которые послужили далеким «прообразом», низшей (биологической) подготовкой последующего возникновения нравственности. Искомые предпосылки можно обнаружить в виде отдельных психических элементов и их конструкций в структуре многочисленных форм типичного поведения особей. К подобным образованиям относятся психологическая необходимость пребывания в группе; умение подчиняться «правилам» поведения, т. е. способность индивида к самоограничению; перенос форм родительского отношения на чужих детенышей и слабых особей; преодоление «зоологического индивидуализма» под давлением потребностей сообщества; феномен индивидуального психического «резонанса» при виде неблагоприятного состояния другой особи; отображение «норм» на уровне элементарной расудочной деятельности.

Вывод об эволюционной подготовке нравственного сознания находится в русле идеи глубокого соответствия биологии человека его социальному качеству. Биологические формы поведения, ни в коем случае не будучи нравственными, оказываются не «равнодушной» (не нейтральной) «почвой» для последующего возникновения социальных нравственных норм, социального нравственного сознания. Психические элементы, являющиеся эволюционным «прототипом» нравственного сознания, входят в преобразованном и подчиненном виде в системные высшие психические (нравственные в данном случае) функции человека. При этом не только «гуманные», но и «агрессивные» предпосылки используются человеком.

Список литературы

- Дьюсбери Д.* Поведение животных: Сравнительные аспекты. М.: Мир, 1981. 480 с.
- Зорина З. А., Полетаева И. И.* Зоопсихология: элементарное мышление животных: Учеб. пособие по ВНД и зоопсихологии. М.: Аспект-Пресс, 2007. 320 с.
- Зорина З. А., Смирнова А. А.* О чем рассказали «говорящие» обезьяны: Способны ли высшие животные оперировать символами? М.: Языки славянских культур, 2006. 424 с.
- Колдуэлл Д., Колдуэлл М.* Мир бутылконового дельфина. Л.: Гидрометеиздат, 1980. 136 с.
- Крушинский Л. В.* Сообщества животных и эволюция рассудочной деятельности // Диалектика в науках о природе и человеке. Человек, общество и природа в век НТР / Отв. ред. Е. Т. Фаддеев. М.: Наука, 1983. С. 403–409.
- Крушинский Л. В.* Биологические основы рассудочной деятельности: Эволюционный и физиолого-генетический аспекты поведения. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. 270 с.
- Панов Е. Н.* Поведение животных и этологическая структура популяций. М.: Наука, 1983. 423 с.
- Симонов П. В.* Высшая нервная деятельность человека: Мотивационно-эмоциональные аспекты. М.: Наука, 1975. 175 с.
- Тинберген Н.* Поведение животных. М.: Мир, 1978. 192 с.
- Тих Н. А.* Предыстория общества. (Сравнительно-психологическое исследование.) Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. 311 с.
- Томилин А. Г.* Снова в воду: Биологический очерк об околводных, полуводных и водных млекопитающих. М.: Знание, 1984. 192 с.
- Фабри К. Э.* Основы зоопсихологии: Учеб. для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям «Психология», «Биология», «Зоология» и «Физиология». М.: Учеб.-метод. коллектор «Психология», 2001. 464 с.
- Шовен Р.* Поведение животных. М.: Мир, 1972. 487 с.
- Эрман Л., Парсонс П.* Генетика поведения и эволюция. М.: Мир, 1984. 566 с.
- Kummer H.* Social knowledge in free-ranging primates // *Animal Mind – Human Mind* / Ed. D. R. Griffin. Berlin: Springer-Verlag, 1982. P. 113–130.
- Maison W. A.* Primate social intelligence // *Animal Mind – Human Mind* / Ed. D. R. Griffin. Berlin: Springer-Verlag, 1982. P. 131–144.

Материал поступил в редколлегию 31.05.2007